

М. М. КАБАНОВ,

главный научный сотрудник Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В. М. Бехтерева, доктор медицинских наук, профессор, Почетный председатель Бехтеревского общества психиатров Санкт-Петербурга, Заслуженный деятель науки РФ

МОИ ВСТРЕЧИ С АКАДЕМИКОМ Д. С. ЛИХАЧЕВЫМ

Мне посчастливилось четыре раза общаться с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Первый раз это было в Пушкинском Доме, где в 1987 г. отмечалось 150-летие со дня смерти А. С. Пушкина. Так во время научной конференции, посвященной жизни и творчеству великого поэта, состоялось наше знакомство. Я, разумеется, и до этого знал о больших заслугах Д. С. Лихачева в области литературоведения и в широком смысле культурологии. Но при непосредственном общении с ним меня поразила прежде всего его подлинная, можно сказать, глубинная интеллигентность, блестящая эрудиция, мудрость во всем — слове, взгляде, жесте, подкупающая скромность. Он буквально очаровал меня и мою жену.

Вторая встреча произошла на заседании Комиссии по правам человека, которую возглавлял литератор М. М. Чулаки, впоследствии трагически погибший. Я несколько лет был членом этой комиссии, на заседания которой нередко приглашались известные люди, в числе которых был и Д. С. Лихачев. Как всегда, его выступление на этом заседании отличалось содержательностью, проникновением в суть проблемы.

Третья наша встреча произошла в Большом зале Санкт-Петербургской филармонии им. Д. Д. Шостаковича, где мы оказались с ним в одной ложе. Разговор зашел о творчестве У. Шекспира, в частности о трагедии «Макбет», и Дмитрий Сергеевич поразила меня своими глубочайшими познаниями (на концерте, если мне не изменяет память, были ис-

полнены отрывки из симфонических произведений, связанных с творчеством английского драматурга).

И, наконец, самая продолжительная и интересная во всех отношениях моя встреча с академиком состоялась у него в скромной, заваленной книгами и рукописями квартире. Это случилось, помнится, вскоре после страшного пожара библиотеки Академии наук (БАН). Дмитрий Сергеевич был очень огорчен этим событием, много о нем говорил, когда мы сидели и пили чай, отменно приготовленный его добрейшей супругой. (Сейчас они оба покоятся на кладбище в дачном поселке Комарово, недалеко от могилы А. А. Ахматовой.) Разговор во время чаепития, помимо значения и судеб библиотек в жизни людей и культуры в целом, шел также о Соловецком лагере, в котором в прошлые годы побывал Д. С. Лихачев, а также о сибирском «Краслаге», где в начале 1950-х годов я провел несколько лет: будучи заключенным, работал там по своей специальности, врачом-психиатром. Обменялись, так сказать, опытом тюремно-лагерных впечатлений. Мой собеседник сообщил о своем необычном труде — словаре воровского жаргона, составленном им в Соловках. Говорили также о ментальности русского народа (впрочем, этот термин тогда не употребляли). Дмитрий Сергеевич поведал мне, малознакомому для него человеку, некоторые факты своей биографии, которые вряд ли имели тогда широкую огласку. Вспомнили мы Ф. И. Тютчева, его знаменитое:

Умом Россию не понять,
 Аршином общим не измерить.
 У ней особенная стать,
 В Россию можно только верить.

— и многое другое из русской литературы, особенно прошлых веков. Обсуждали пагубное воздействие средств массовой информации, в частности телевидения, на психическое состояние нашего общества, особенно молодежи (с тех пор прошло более 10 лет, и тлетворное влияние телевидения еще более усилилось; я бы сказал, что теперь можно вести речь о «дебилизации» значительной части аудитории СМИ). Я, поблагодарив хозяев за гостеприимство, осмелился спросить, наверное, не очень тактично, почему у Дмитрия Сергеевича во входных дверях его скромной квартиры, не имевшей вида богатого жилища и не уставленной антиквариатом и дорогими картинами, поставлено множество различных замков. Он ответил, немного смущаясь, что в его квартиру неоднократно пытались проникнуть воры, полагая, очевидно, что у известного академика должно быть много всяческого добра, включая драгоценности, которым можно поживиться. А их, конечно, у Дмитрия Сергеевича никогда не было, если не считать обилия книг, включая редкие, которыми вряд ли могли интересоваться грабители. Скромность во всем, доброта, радушие и гостеприимство покорили меня в семье Лихачевых. От всего сказанного Дмитрием Сергеевичем исходила столь дефицитная в наше время интеллигентность (подчеркиваю это еще раз).

Вообще трудно подобрать слова, чтобы отобразить весь спектр духовного мира и подлинное благородство этого поистине великого человека. Мелочь, конечно, но тогда при прощании в прихожей Дмитрий Сергеевич удивил еще и тем, что подал мне, нестарому человеку (на 20 лет моложе его),

пальто. Я вспомнил годы своего далекого детства и юности, когда сие действо еще не было в диковинку. Я, теперь уже весьма пожилой врач-психиатр, почти 40 лет возглавлявший психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева и переживший всех своих учителей (многие из них были вполне достойные люди), а также немало сверстников, видел в своей жизни разных представителей рода человеческого — от правителей государств до простых смертных, но Дмитрий Сергеевич был ни с кем не сравним.

Я не знаток древнерусской литературы и не могу на профессиональном уровне оценивать заслуги академика Лихачева в этой области. Могу только сказать, что мы часто познаем настоящую цену человека только тогда, когда его теряем. Потеря Дмитрия Сергеевича очень велика для русской интеллигенции, да и для всей страны в целом. Он был ярким нравственным маяком, который светил многим. Надеюсь, что в годовщину столетия со дня его рождения свет его духовности поможет нам в трудном переходном периоде истории России — сегодня, завтра и далее.

Установка памятника академику, присвоение одной из площадей Санкт-Петербурга его имени и объявление 2006 года годом Д. С. Лихачева вселяет надежду, что не все еще потеряно на «фронтах» возрождения и укрепления нравственности и культуры нашего общества. Все это говорит о том, что русская интеллигенция существует, несмотря на попытки некоторых деятелей с академическими званиями обесценить и даже уничтожить само понятие «интеллигенция».

Мне, как и многим другим гражданам нашей страны, далеким от нынешнего расцвета нищего духом прагматизма, не хочется, чтобы Дмитрий Сергеевич Лихачев оказался «последним из могикан» — представителей настоящей русской интеллигенции. Надежда, как известно, умирает последней.